

дарно, да и литературно вяло. Надо все это отбросить. Въ его «Запискахъ» сила была, сила личныхъ переживаній, сила злости, потревоженности обывательской божьей коровки, отчаявшейся въ возможности вновь зажечь прежней жизнью. А эти божьи коровки — огромная социальная сила. Съ ней надо считаться, ее нужно преодолѣть. Во всякомъ общественномъ сдвигѣ — она играетъ огромную роль инертнаго бревна, запнувшись о которое, революція ломаетъ себѣ голову. Эта сила предъявить счетъ за всѣ разбитые горшки, за смерть любимыхъ малютокъ, за пристрѣленную лягавую, за картонную подошву, за разрушенную усадьбу, за недострѣлянныхъ по винѣ революціи вальдшнеповъ, за кусочекъ сахара, который оказался кусочкомъ старой штучнатурки, за разбитый чайный сервизъ — за все, за все. И когда за все это уплатить невозможно будетъ, когда пришедшій на смѣну анархіи режимъ права будетъ изъ силъ выбиваться, чтобы заткнуть глотки этимъ «переждавшимъ» и «пережившимъ», тогда они вмѣсто подробнаго счета составлять короткій: Самодержавіе, Православіе, Народность...

Надо его поближе узнать, приглядѣться къ нему — бунтующему обывателю революціи.

Книга Ив. Наживина незамѣнимое въ этомъ дѣлѣ руководство.

Ст. И.

«ЗНАМЯ», ВРЕМЕННОЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ПОЛИТИКИ.

Подъ редакціей А. Шрейдера, Берлинъ. 1921 г. №№ 1 и 2.

Не безъ нѣкотораго волненія и тревожнаго ожиданія раскрываешь эти небольшія книжки съ именами Андрея Бѣлаго, Александра Блока, Константина Эрберга, Леонида Сабанѣева..., людей съ «того берега», и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ слова. Къ нимъ, дѣйствительно, продолжающимъ работать, мыслить, творить въ томъ мірѣ, который мы добровольно или вынуждено покинули, но всѣмъ имъ сейчасъ испытываешь сложное чувство, въ коемъ, и жалость острая, и удивленіе, и ожиданіе, и, моментами — зависть: эти необычныя, хотя и безмѣрно тяжелыя условія жизни не оплодотворяютъ-ли по новому сердца ихъ и умы? они чувствуютъ, они мыслятъ, вѣроятно, иначе чѣмъ мы; не видятъ-ли они нѣчто другое чѣмъ мы? Не свободнѣе-ли, не безстрашнѣе-ли стали они? Нѣтъ сомнѣнія, что западная культурная среда налагаетъ на насъ крѣпкія путы, держать насъ въ шорахъ традиціями своими, и привычками надъ нами властвуетъ; одичавъ, обѣдѣвъ, не стали-ли они богаче внутреннимъ опытомъ?

Конечно, судить по нѣсколькимъ статьямъ о дѣйствительномъ характерѣ и направленіи работы мысли этихъ людей — невозможно, тѣмъ болѣе, что свободное высказываніе своихъ мнѣній и взглядовъ въ совѣтской Россіи сопряжено бываетъ, мы знаемъ, съ большимъ рискомъ. И все-же, мнѣ кажется, тонъ этихъ статей, настроеніе ихъ — чрезвычайно показательны.

Въ сущности тема всѣхъ ихъ статей одна: революція. Одно настроеніе пронизываетъ эти статьи: я бы назвалъ его «катастрофизмомъ». Отмѣчены онѣ одной общей чертой — потерей чувства дѣйствительныхъ соотношеній и пропорцій, истинной перспективы, правильныхъ масштабовъ.

И въ «Крушеніи гуманизма» Ал. Блока, и въ статьѣ Андрея Бѣлаго — «Прыжокъ въ царство свободы» и «Учитель Сознанія (Левъ Толстой)», въ замѣткѣ Л. Сабанѣва — «Революціонеръ въ Музыкѣ» и въ докладѣ К. Эрберга — «О догматахъ и ересьхъ въ искусствѣ» — таится или трепетно бьется это чувство кризиса, чувство гибели, провала стараго міра, ощущеніе уходящей изъ подъ ногъ почвы, разверзающейся пропасти и ожиданія, предчувствія зарожденія иного міра, новаго цвѣтенія бытія. Мысль ихъ заворожена революціей. Всѣ вещи, какъ будто, они мыслятъ въ категоріяхъ катастрофы, кризиса, бури. Всѣ вещи для нихъ сдвинулись съ мѣста, сорвались съ устоевъ, разрушаются. Живо это сознаніе и среди насъ, на западѣ, но, конечно, не въ столь рѣзко обостренной, до наивности почти упрощенной формѣ.

Здѣсь есть, дѣйствительно, нѣкоторая наивность, нѣкоторый, позволю я себѣ сказать — «провинциализмъ», обусловленные именно изолированностью этихъ людей, оторванностью ихъ отъ всечеловѣческаго цѣлага, отъ Европы.

Война дала намъ ясно почувствовать все громадное значеніе международнаго духовнаго общенія; пониженіе уровня мысли во всѣхъ странахъ въ теченіе войны, всеобщій упадокъ творчества зависѣли во многомъ отъ того состоянія духовнаго одиночества, въ которомъ очутились всѣ народы, и мы, русскіе, въ томъ числѣ. Медленно, постепенно, съ большимъ трудомъ, но связи эти во всемъ мірѣ уже устанавливаются, развиваются. Въ мірового цѣлага остается, однако, еще Россія. Но вѣдь признать необходимо, что время отдѣльныхъ, самостоятельныхъ изолированныхъ культуръ окончательно миновало: лишь въ всечеловѣческомъ организмѣ возможна теперь жизнь и творчество отдѣльныхъ народовъ. Много грѣховъ нынѣ насчитываются за старой Европой, съ которой такъ снисходительно небрежно или презрительно обращаются авторы «Знамени», но все-же, дѣлу объединенія человѣчества она положила начало, печатью универсализма ея творчество отмѣчено. Уходя отъ западной Европы, отор-

ванность отъ нея, изолированность, добровольные, или вынужденные, сознательные или бессознательные, все равно, по необходимости приводятъ къ провинциализму, т. е. къ чрезмерному преклоненію передъ своимъ, мѣстнымъ — уѣзднымъ или національнымъ, безразлично, — къ потерѣ всякихъ масштабовъ, къ забвенію законовъ перспективы. Всякая оцѣнка, произведенная съ своего угла, пусть этотъ «уголъ» будетъ вся кипящая въ революціонномъ процессѣ Россія, окажется отгѣченной провинциализмомъ. Этой переоцѣнкой своего, мѣстнаго, національнаго страдаютъ всѣ почти статьи находящихся въ Россіи авторовъ «Знамени».

Чѣмъ, какъ не подобной «островной» психологіей, можно объяснить весьма незначительную саму по себѣ, но чрезвычайно характерную статью К. Эрберга: «О догматахъ и ересьхъ въ искусствѣ»? Доказывать сейчасъ значеніе кубизма и футуризма, защищать ихъ противъ нападковъ «мѣщанъ» и т. д. возможно и интересно, быть можетъ, въ Москвѣ, но здѣсь это никому не нужно и звучитъ даже комично. Та зачарованность революціей, о которой я уже говорилъ, это своеобразное созерцаніе всѣхъ вещей исключительно подъ аспектомъ революціи раскрываются въ статьѣ К. Эрберга особенно ярко: «Я думаю, что только одна мѣра къ искусству и приложима — мѣра большей или меньшей его революціонности, живущей въ протестующемъ духѣ человѣческаго, — въ той творческой энергіи, которой озарено бываетъ всякое подлинное произведеніе искусства». Дальше авторъ цитируетъ сочувственно бутаду Гогэна: «Въ искусствѣ бываютъ только революціонеры или плагиаторы». И критикъ предсказываетъ: «наступаетъ время новыхъ ересей и новыхъ идеологическихъ бунтовъ. И такъ будетъ всегда. Ибо революціоннымъ, бунтовскимъ началомъ живо искусство». Нѣтъ нужды, что вся исторія искусства, которую К. Эрбергъ знаетъ, конечно, не хуже меня, противорѣчитъ этому категорическому утвержденію. Авторъ загнипотизированъ «бунтомъ». Онъ ничего другого невидитъ. Очевидно, свои шоры надѣваетъ на умы и революціонная среда. Интересно знать, что осталось бы отъ искусства египетскаго, эллинскаго и эллинистическаго, — готическаго, ранняго и поздняго ренессанса, отъ искусства XVIII в., если бы мы приложили къ нимъ мѣру большей или меньшей революціонности, изобрѣтенную К. Эрбергомъ? Здѣсь именно — своеобразный интеллектуальный дальтонизмъ или, точнѣе, потери чувства расстояній, реальныхъ отношеній и пропорцій: то, что представляется значительнымъ, монументальнымъ съ высоты собственной вышки, въ предѣлахъ видимаго горизонта, пріобрѣтаетъ мгновенно размѣры «планетарные».

Такого же рода «деформацію» реальности, подобнаго же

рода фетишистское преклонение передъ «Революціей», передъ «Бунтомъ», какъ таковыми — я вижу и въ небольшой статьѣ Л. Сабанѣева: «Революціонеръ въ музыкѣ», посвященной Скрябину. Новаго о Скрябинѣ мы здѣсь не находимъ ничего, кромѣ своеобразнаго объясненія того факта, что Скрябинъ мыслилъ социализмъ какъ моментъ исключительно матеріальнаго, экономическаго устройства міра, какъ моментъ преклоненія передъ самоцѣльностью ви́шнихъ атрибутовъ жизни и наибольшаго погруженія человѣчества въ матерію, за каковымъ послѣдуетъ выходъ за предѣлы матеріальной сферы и устремленіе къ экстазу какъ къ послѣдней цѣли. Въ той, сравнительно, низкой оцѣнкѣ социализма виноваты, оказывается, Плехановъ, и черезъ него — Марксъ. «Социализмъ онъ (Скрябинъ) вкусилъ изъ рукъ Плеханова, съ которымъ былъ долгое время въ дружеской связи. Нарочито матеріалистической, марксистской отгѣвонъ, придававшійся имъ социализму, дѣлается отъ этого понятнымъ: онъ отъ Плеханова, явившагося въ роли ментора». Итакъ, если-бы Скрябинъ вмѣсто Маркса и Плеханова прочелъ Лаврова или Ленина, то онъ сталъ бы социалистомъ? Въ томъ позволительно усомниться.

Статья заканчивается бодрымъ аккордомъ: «Человѣчество, дѣйствительно, черезъ чистилище погруженія въ матеріальность — идетъ къ возрожденію въ мірѣ новой красоты и цѣлеположности искусства, становящагося конечной цѣлью существованія индивидуума и коллектива». Что это — революціонно-мистическое общее мѣсто? Реторическій эффектъ? Слѣпота? Или сознательное, героическое упорство?

Обѣ небольшія статьи Андрея Бѣлаго — «Прыжокъ въ Царство свободы» и «Учитель Сознанія (Левъ Толстой)» чрезвычайно показательны для этого гениальнаго художника и подлиннаго мистика, которому, въ сущности, вовсе чужды логической ходъ мысли. Его влечетъ къ дискурсивному вышленію; онъ любитъ скрывать себя крѣпкой логической броней, носить маску холоднаго, трезваго, научно-дисциплинированнаго ума; здѣсь, быть можетъ, онъ находитъ спасеніе отъ собственнаго хаоса. Но это именно — маска. Какъ во всѣхъ почти чисто философскихъ работахъ Андрея Бѣлаго, здѣсь ощущается напряженное усиліе писателя, искусственность, стѣснительность для его творчества этой формы, плохо скроенной, ежеминутно расплывающейся. Отсюда — постоянныя повторенія, отсутствіе органическаго развитія мысли, но механическое сдѣлание обрывковъ ея.

Сколько подлиннаго творчества, поэтическаго, словеснаго, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, какая чудесная свобода въ поэмѣ его «Первое свиданіе», напечатанной въ томъ-же «Зна-

мени» (№ 2). Стиль ея, однако, немного пестрый, то нѣсколько жеманно-изысканный, то, моментами, по легкой граціи и естественности своей, будищій воспоминанія о Пушкинѣ (Онѣгинѣ). Здѣсь, въ остро очерченныхъ, иногда конкретныхъ до жути образахъ, фантастическихъ и бытовыхъ, реальныхъ, одновременно, оживаетъ «интеллигентская» Москва конца 90-хъ и начала 900-хъ годовъ: философы, музыканты, писатели; проносятся видѣнія дѣтства и юности, то сентиментальныя, то ироническія. Нѣжно, любовно вглядывается Андрей Бѣлый въ это милое прошлое, но, какъ всегда, онъ прозрѣваетъ за пестрой и свѣтлой его тканью какое-то иное бытіе, смутное, ночное; оно загадочно темнѣетъ сквозь пелену событій, фактовъ, лицъ и страннымъ трепетомъ пронизываетъ рѣчь поэта; здѣсь, дѣйствительно, въ этомъ касаніи мірамъ инымъ, источникъ его словотворчества.

Докладъ Александръ Блока «Крушеніе Гуманизма» страдаетъ той склонностью къ схематизаціи дѣйствительности, къ стройнымъ, но малообоснованнымъ, произвольнымъ построеніямъ, которой отмѣчены всѣ почти статьи великаго поэта. И все-же, здѣсь ощущается, что, несмотря на схемы сври и формулы, А. Блокъ нѣчто подслушалъ или точнѣе — подслушалъ въ совершающихся событіяхъ.

Статья основана на противопоставленіи культуры какъ движенія, творчества (музыки, слѣдовательно, ибо музыка есть непрестанное творчество, порожденіе) — цивилизаціи, какъ зафиксированію, кристаллизаціи этого процесса въ вещахъ. «Понятіемъ гуманизма привыкли мы обозначать... то мощное движеніе, которое на исходѣ среднихъ вѣковъ охватило сначала Италію, а потомъ всю Европу и лозунгомъ котораго былъ человѣкъ — свободная человѣческая личность. Такимъ образомъ, основной и изначальный признакъ гуманизма — индивидуализмъ... Движеніе, исходной точкой и конечной цѣлью котораго была человѣческая личность могло расти и развиваться до тѣхъ поръ, пока личность была главнымъ двигателемъ европейской культуры... Естественно, однако, что когда на аренѣ европейской исторіи появилась новая движущая сила — не личность, а масса — наступилъ кризисъ гуманизма... Разразился онъ наканунѣ XIX в.». И послѣднимъ великимъ гуманистомъ послѣднимъ «изъ стаи вѣрныхъ духу музыки» былъ Шиллеръ. Гуманистическая культура замираетъ; XIX в. есть эпоха безмузыкальной гуманистической цивилизаціи, и величайшіе творцы этой эпохи находятся въ разладѣ со своимъ временемъ, они одиноки, непоняты, гонимы, потому что они носители «культуры и музыки будущаго». Такъ называемые цивилизованные люди «занемогли и потеряли культурную цѣльность»...

Въ такія времена безсознательными хранителями культуры оказываются болѣе свѣжія варварскія массы».

«Великое движеніе, бывшее факторомъ міровой культуры, разбилось на множество малыхъ движеній, ставшихъ факторами европейской цивилизаціи», теряющей черты культуры, приобретающей характеръ разрознённости, лишающей духа цѣльности, музыкальной спаянности. «Стихийный и грозовой характеръ столѣтія почувствовали европейскіе художники — тѣ посетители музыки, которые жестоко преслѣдовались въ свое время. .. На протяженіи всей исторіи XIX в. мы можемъ наблюдать рядъ гоненій, воздвигаемыхъ цивилизаціей противъ носителей духа культуры, и рядъ попытокъ приспособленія цивилизаціи къ этому духу, ей враждебному». Въ свѣтѣ этихъ идей исторія XIX в. есть исторія «борьбы духа гуманной цивилизаціи съ духомъ музыки»...

Хранителемъ духа музыки и новыхъ возможностей, являются народъ, варварскія массы. «Цивилизація умираетъ, зарождается новое движеніе, растущее изъ той же музыкальной стихіи и это движеніе отличается уже новыми чертами... Культура будущаго копилась... въ синтетическихъ усиліяхъ революцій, въ этихъ упругихъ ритмахъ, въ музыкальныхъ потягиваніяхъ, волевыхъ напорахъ, приливахъ и отливахъ». Музыка эта «разрушительна для тѣхъ завоеваній цивилизаціи, которыя казались неизбѣжными; она противоположна привычнымъ для насъ мелодіямъ объ «истинѣ, добрѣ и красотѣ»: она прямо враждебна тому, что выдвинуто въ насъ воспитаніемъ и образованіемъ гуманной Европы прошлаго столѣтія». И авторъ заключаетъ пророчествомъ: «Исходъ борьбы рѣшенъ... Уже намѣчается новая роль личности... цѣль движенія не этический, не политическій, не гуманный человекъ, а *человѣкъ-артистъ*; онъ только будетъ способенъ жадно жить и дѣйствовать въ открывшейся эпохѣ вихрей и бурь, въ которую неудержимо устремилось человѣчество».

Конечно, подобная философія исторіи, подобное міроощущеніе могли родиться лишь въ современной Россіи. Но, повторяю, несмотря на упрощенность Блокскихъ формулъ, на бездоказательность его утвержденій на произвольность его обобщеній, — живетъ здѣсь предчувствіе какой-то истины, хотя и выраженной косноязычно.

Но гладко вполне и легко продолжаетъ рассказывать о своемъ «духовномъ максимализмѣ» Ивановъ-Разумникъ, на котомъ-его «снифство» нынѣ сидитъ уже точно ловко скроенный мундиръ. Онъ — «снифъ», онъ — маститый «бездникъ» по должности своей, такъ сказать; но когда Ивановъ-Разумникъ твердитъ неустанно о своемъ скифствѣ, я не могу не вспомнить того героя

французской оперетки, который гордо заявлялъ: «мы, средне-вѣковые рыцари...» «Духовный максимализмъ» самъ по себѣ — ничто, пустая форма, которая должна быть опредѣлена содержаніемъ своимъ; «духовный максимализмъ» можетъ расцвѣсть на всѣхъ путяхъ, на всѣхъ тропинкахъ творчества, но все-же нужно куда-то итти, и что-то дѣлать опредѣленное, конкретное; Ивановъ-Разумникъ хочетъ быть скифомъ *in se*, «бездникомъ» *an und fur sich*. При этомъ полное довольство собою. Но что такое довольный скифъ какъ не мѣщанинъ?

Отвратительное впечатлѣніе производитъ его замѣтка «Изысканный жираффъ» объ Н. Н. Гумилевѣ, надъ которымъ Ивановъ-Разумникъ издѣвается за его вѣрность принципу «чистаго искусства». Нѣсколько недѣль послѣ выхода этой замѣтки Гумилевъ «вѣрный рыцарь и палладинъ чистаго искусства» («ироническое» выраженіе Иванова-Разумника), оказался, какъ извѣстно, въ спискѣ разстрѣлянныхъ большевистской властью....

Б. Шлецеръ.

Ивановъ-Разумникъ стоитъ на грани литературы: изъ чужихъ художественныхъ произведеній онъ извлекаетъ свою политику Сотоварищи Иванова-Разумника по «Знамени» наоборотъ — свою политику хотятъ другимъ выдать за литературу... Для этого они печатаютъ свои «произведенія» рядомъ и попережку съ поэмой Андрея Бѣлаго или очеркомъ А. Блока. Расчетъ простой: можетъ быть, читатель, интересующійся Блокомъ и Бѣлымъ, неожиданно заинтересуется и ихъ сосѣдами: А. Шрейдеромъ или О. Чижиковымъ... Такимъ полуконтрабанднымъ порядкомъ лѣвые эсеры пропускаютъ во «Временникѣ литературы и политики» свои политическіе взгляды.

Тѣ, для кого лѣво эс-эровскіе взгляды не новинка, не найдутъ въ «Знамени» почти ничего новаго. Они отмѣтятъ лишь полное отсутствіе элементарнаго чувства мѣры и застѣнчивости у редактора всего «Временника» Александра Шрейдера. А. Шрейдеръ теперь въ «тезисахъ» воспѣваетъ «Систему Совѣтовъ» въ тѣхъ же словахъ и выраженіяхъ, которыми онъ запатилъ дань предмету своего увлеченія еще годъ тому назадъ, въ особой книжкѣ. Эти «Тезисы» — ни къ чему: — они скучное повтореніе стараго. Но гораздо болѣе никчемны — тѣ наброски изъ конспектовъ и случайныя выписки изъ Евангелія, Толстого, Достоевскаго, Новгородцева, Бергсона, Гершензона, Герцена, Лаврова и Маха, которыя собралъ А. Шрейдеръ подъ пышными заголовками «Догма ненависти и философія гнѣва», «Иллюзія и дѣйствительность». Онъ выдаетъ эти выписки за «отрывки» своей

будущей вниги о... «философии народничества». Бѣдная философія! Бѣдное народничество! И еще болѣе бѣдный авторъ!.. Эти «отрывки» могли появиться въ печати, конечно, только по той игрѣ прихотливаго случая, при которой влюбленный въ свои произведенія авторъ и беззаастѣнчивый по отношенію къ читателю редакторъ совпали въ одномъ лицѣ. Когда своя рука владыка, — нехорошо: въ политикѣ такъ же, какъ и въ литературѣ!..

Если отъ главнаго политическаго «идеолога» перейти къ поддержанію того, что онъ и его сотоварищи пишутъ во «Временникѣ», — мы найдемъ традиціонное для лѣвыхъ эс-эровъ преувеличеніе своей политической роли въ прошломъ, авто-рекламу и нарочитое подчеркиваніе по всякому поводу, но безъ достаточныхъ основаній, своей «самости». Поскольку можно говорить о тенденціи въ развитіи лѣво-эс-эровской идеологии она все опредѣленнѣе вырисовывается въ сторону уклона къ анархизму. И лѣвые эс-эры сами этого не скрываютъ. Устами нѣкоего О. Чижикова, они отгораживаются лишь отъ «наивныхъ анархо-коммунистовъ»; за подлинный же «анархо-коммунистическій строй» они, оказывается, всегда «боролись и будутъ бороться» («Знамя» № 1).

Для характеристики новѣйшей фазы отношеній лѣвыхъ эс-эровъ къ большевикамъ небезынтересно привести слѣдующія иллюстраціи.

«Ленина можно преодолѣть, — Керенскихъ же нужно и можно лишь побѣдить; съ большевиками возможна мирная, творческая, но глубинная (?) и всесторонняя борьба внутри совѣтовъ, тогда какъ съ мѣщанскимъ социализмомъ возможна и другая борьба — борьба съ оружіемъ въ рукахъ»... «Мы съ нею (большевистской властью), — говоря разное, — говоримъ на одномъ языкѣ, мы слободны понять другъ друга, насъ раздѣляетъ — быть можетъ, очень остро — временное, насъ соединяетъ общая почва, общій языкъ».

Такъ пишутъ на стр. 1 и 3-й. А въ концѣ того же № 1 «Знамя», на стр. 42 корреспондентъ изъ Москвы даетъ конкретное описаніе не того «общаго языка», который лѣвые эс-эры ищутъ съ большевиками, а того, который большевики находятъ для общенія съ лѣвыми эс-эрами.

«Въ отвѣтъ на официальный запросъ партія л.-с.-р. о судьбѣ арестованныхъ товарищей (въ тюрьмѣ: Камковъ, Трутовскій, Каховская, Самохваловъ, Богачевъ и пр.) Ц.К.Р.К.П. сообщилъ, что выпускать ихъ сейчасъ не будутъ... Больше всего угнетаетъ насъ то обстоятельство, что состояніе здоровья М.А. Спиридоновой все хуже и хуже. Она содержится въ лазаретѣ В.Ч.К... Послѣ тифа она вотъ уже много, много недѣль лежитъ въ полу-

бессознательномъ состояніи. Она не узнаетъ товарищей, почти не говоритъ, умираетъ — умираетъ медленной мучительной смертью. При ней также мучительно живетъ А. Измайловичъ — вся посѣдѣвшая, ставшая старухой. Такъ какъ окна комнаты выходятъ на улицу, то они не открываются, а обѣихъ узницъ на прогулку не выводятъ... О состояніи Маріи Александровны необходимо сообщить всѣмъ коммунистамъ и лѣвымъ социалистамъ Западной Европы. Намъ очень тяжело, что «Европа» вновь, какъ въ 1906 году, должна заступаться за Марію Александровну, но это, очевидно, неизбежно, какъ ни тяжело, что страданія ея, къ ея большому горю, могутъ использовать силы враждебныя революціи»...

Гдѣ ужъ тутъ надѣяться на заступничество «Европы», когда ближайшіе соратники М. А. Спиридоновой, сядя въ центрѣ этой самой «Европы», въ Берлинѣ и въ Вѣнскомъ Интернаціоналѣ, сами «заступаются» не за нее, а за ея палачей, «философски» обосновывая общность своего съ ними «языка» и «почвы»!..

Лѣво-эс-эровскіе Терситы, славословящіе ту самую «власть совѣтовъ», въ тискахъ которой бьются — «умираютъ медленной мучительной смертью» — лѣво-эс-эровскіе Патроклы, — въ этомъ есть нѣчто отъ Немезиды!

М. В.

Генрихъ Штребель. — ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ, ЕЯ НЕСЧАСТІЕ И ЕЯ СПАСЕНІЕ. Пер. съ нѣмецкаго, изд. «Воли Россіи».

Русскій читатель съ особымъ чувствомъ въ душѣ развернетъ и прочтетъ книгу о «Германской революціи». Мы сами — современники, свидѣтели или участники грандіозной революціи въ нашей собственной странѣ. Наше поколѣніе навсегда отравлено горечью несбывшихся надеждъ, сознаніемъ отвѣтственности за слабость и ошибки, въ той или иной мѣрѣ приведшія Россію къ ужасной катастрофѣ. И къ перепитіямъ исторической драмы другого народа насъ влечетъ не только общечеловѣчскій интересъ, но и невольное желаніе найти, путемъ сравненія, отвѣтъ на мучительный вопросъ, въ чемъ же причина крушенія начальной, положительной фазы и аще й, русской революціи.

Г. Штребель — не историкъ. Активный участникъ описываемой имъ революціи, онъ въ изложеніе и оцѣнку фактовъ вкладываетъ весь субъективизмъ и темпераментъ политическаго борца. На книгѣ, которую авторъ пишетъ въ разгаръ еще не завершившихся событій — она обнимаетъ періодъ отъ начала революціи